

Вместе с тем Будилович, будучи одним из немногих сторонников жёсткой русификаторской политики, включая языковую, на западе империи, выступал за сохранение и самостоятельное развитие местных языков в её восточной части. Не случайно он пользовался там особым уважением преподавателей и миссионеров из среды «инородцев». В исследовании Фомичевой впервые показано, что идейно-теоретическое ядро убеждений Будиловича оставалось неизменным независимо от того, размышлял ли он о решении польского вопроса, о проблемах панславизма, о русификации прибалтийских губерний или о миссионерской деятельности среди народов Поволжья. Таким образом, реконструирована система взглядов Будиловича в их целостности.

В первой главе монографии раскрывается становление мировоззрения Будиловича и характеризуется его деятельность до начала 1880-х гг. Вторая глава посвящена его службе на западных окраинах Российской империи в 1880–1890-х гг., где он, в частности, усиленно добивался расширения преподавания русского и церковнославянского языков в гимназиях. В третьей главе анализируется его участие в выработке национальной политики Министерства народного просвещения в начале XX в. В каждой из них Фомичева трагирует недостаточно изученные сюжеты

и делает немало важных наблюдений. Так, она устанавливает связь между преследованием повстанцами в 1863–1864 гг. отца Будиловича – православного священника, имевшего польские корни, и открытой неприязнью поляков к деятельности профессора Будиловича в Привисленском крае в 1880-х гг. Исследовательница впервые изучила роль Антона Семёновича в развитии средних школ Царства Польского и в создании педагогического коллектива Нежинского историко-филологического института.

Возможно, автору следовало подробнее проследить отношение Будиловича к приёму в высшие учебные заведения Российской империи евреев. Ведь, как известно, вопрос о процентной норме для студентов еврейского происхождения поднимался в период его ректорства в Юрьевском университете. Больше можно было сказать и о поездке Будиловича в Казанский учебный округ и реакции на неё мусульманского духовенства. Тем не менее нельзя не признать, что О.А. Фомичева много сделала для освобождения важной темы от идеологической заштампованности, и её книга может стать своеобразным ориентиром для дальнейшего изучения взглядов и деятельности А.С. Будиловича и его единомышленников, а также специфики образовательного процесса на окраинах империи.

*Игорь Нарский*

## **О плюсах и минусах количественного исследования российской многопартийности: несколько ремарок по поводу книги Н.Д. Постникова\***

*Igor Narsky*

*(South Ural National Research University, Cheliabinsk, Russia)*

## **Quantitative research of Russia's multi-partisan system: Pro et contra (some remarks on the book by N.D. Postnikov)**

Рецензируемую монографию нельзя отнести к кругу лёгкого чтения. Читательскую работу с ней усложняют и её жанр, и авторский замысел, и история и качество его воплощения. Прежде все-

го следует сказать о контексте рождения этой монографии, который относится, в целом, к завершённому прошлому и многим историкам, особенно молодым, не знаком. Её автор, кандидат истори-

\* Постников Н.Д. Территориальное размещение и численность политических партий России (1907 – февраль 1917). М.: ИИУ МГОУ, 2013. 326 с.

ческих наук, доцент кафедры истории и политологии Российского государственного университета туризма и сервиса, в 1990-х гг. проявил себя как поборник количественных методов в изучении до-революционных политических партий в России, переживших свой расцвет в последнее десятилетие существования СССР и первое постсоветское десятилетие. В те годы интерес к истории «непролетарских» политических партий находился на кругом подъёме. Примененные в монографических исследованиях В.В. Шелохаева о конституционно-демократической партии и Союзе 17 октября в 1905–1907 гг.<sup>1</sup> подходы к изучению численности и социального состава партийных организаций постепенно обрели в этом молодом сегменте отечественной историографии чеканную формулу «территориальное размещение и динамика численности», которая пользовалась невероятной популярностью, дав название обязательным (первым) главам и параграфам в многочисленных диссертационных исследованиях, увидевших свет в 1980–2000-х гг. Наличие количественного компонента стало неотъемлемой частью анализа истории российских политических партий. По прошествии многих лет можно констатировать, что всеобщий интерес специалистов по истории многопартийности к её количественному измерению был совершенно оправдан, позволив оценить масштабы, социальные и культурные особенности этого явления в общероссийской, региональной и локальной перспективах. При этом в нём явно отразился конъюнктурный фактор – желание противопоставить заидеологизированной истории КПСС научный подход, который во времена «триумфального шествия» количественной социальной истории во многом базировался на «магии чисел».

Н.Д. Постников наверняка попал под обаяние первого сборника, посвящённого количественному анализу российских политических партий в годы Первой русской революции и ставшего в конце 1980-х гг. важным рубежом в исследовании этой проблематики<sup>2</sup>. В 2001 г. он издал сборник, хронологически продолживший первый материалами межреволюционного периода<sup>3</sup>. Как пишет автор, «при работе над сборником и возникла идея написания

данной монографии, ставящей задачей дать всесторонний анализ накопленной информации, сделать на её основе общие выводы, наблюдения, позволяющие углубить представления об истории политических партий России в начале XX века» (с. 24). Но ещё до опубликования сборника по количественной истории партий 1907–1917 гг., в 1998 г. он защитил кандидатскую диссертацию<sup>4</sup>, название которой совпадает с заглавием рецензируемой книги, представляющей собой, таким образом, расширенный вариант диссертации 15-летней давности. С тех пор круг исследовательских интересов Н.Д. Постникова претерпел существенные изменения<sup>5</sup>, и издание книги является, по-видимому, запоздалой «жирной точкой» в давно завершённом процессе. Эта предыстория данной монографии предопределила как её сильные, так и уязвимые стороны, что следует иметь в виду, анализируя и оценивая её содержание.

Автор ставит перед собой задачу «комплексного анализа проблемы территориального размещения, динамики численности и эволюции организационных структур основных общероссийских партий» (с. 4), под которыми подразумевает, как и было принято в 1990-е гг., партии социал-демократов, эсеров, кадетов, октябристов и черносотенцев. История национальных партий в монографии не учитывается, что вполне соответствует состоянию изучения данной проблематики тех лет.

Структура монографии подчинена решению поставленной задачи. Выигрышным сюжетом введения является попытка автора покончить с неясностью в определении членства в российских партиях и тем самым постараться создать инструмент для чёткого различения между активным партийным ядром и аморфной массой сочувствующих. Неудачным представляется историографический обзор. Во-первых, нельзя сводить неровности и недостатки изучения политических партий к запретительной политике в области историографии. Автор прекрасно знает, что историографический процесс – дело многотрудное, а создание репрезентативной базы количественных данных на основе исторических источников, тре-

бующее многолетней скрупулёзной работы, — тем более. Если же следовать логике Постникова, то фрагментарность данных о количестве организаций и численности их участников в книге В.В. Шелохаева о кадетях в 1905–4907 гг. придётся объяснять с помощью абсурдного предположения, что её автор в 1983 г. боялся сталинского запрета на исследование политических партий. Во-вторых, автор не проследил развитие исследований российской многопартийности после середины 1990-х гг., что может быть объяснено лишь использованием в издании 2013 г. историографического обзора из защищённой в 1998 г. диссертации.

Первая глава книги посвящена характеристике источников. Источниковой основой его исследования стали материалы нескольких фондов ГА РФ, а именно Департамента полиции и собственно политических партий. Несомненно, Постников является одним из лучших знатоков этих фондов, поскольку он систематически прорабатывал отложившиеся в них документы на предмет выявления сведений о размещении, количестве, численности и организационном состоянии основных всероссийских политических партий. Исследователь пришёл в целом к обоснованному выводу, что «ни один источник, отражающий деятельность местных партийных организаций РСДРП и ПСР (партии социалистов-революционеров. — *И.Н.*), не является столь полным по собранной информации и репрезентативным, как дела фонда Департамента полиции, так как ни в каком другом источнике так тщательно и даже скрупулёзно не фиксировалась информация обо всех сторонах и аспектах местных организаций РСДРП и ПСР в масштабах империи» (с. 27). Вместе с тем следует подчеркнуть, что положенные в основу определения численности левых партий списки членов местных партийных организаций, составленные на основе наружного полицейского наблюдения, далеко не надежны, особенно в провинции, где «культурный слой» был тонок и представители оппозиции часто находились в тесном контакте. В полицейских списках РСДРП и ПСР зачастую фигурируют одни и те же фамилии, которые порой встречаются и в списках кадетов, которые во

время первой российской революции, а отчасти и позже, контактировали с левыми. К вопросу надёжности полицейских количественных данных ещё придётся вернуться при оценке авторских подсчётов численности участников российских политических партий.

Однако в отношении Союза 17 октября, Союза русского народа и Союза Михаила Архангела, а отчасти и Конституционно-демократической партии, деятельность которых интересовала Департамент полиции значительно меньше, чем работа леворадикальных партий, полицейские сведения о размещении и численности их филиалов значительно более фрагментарны. Их Постникову пришлось добывать, по собственному признанию, «по крохам» (с. 39), в фондах политических партий. Причём даже тщательное просеивание партийных фондов не дало столь подробных сведений о географии распространения и количественных характеристиках политических партий, какие предоставляет документация Департамента полиции. Неоднородность и различная информативная насыщенность источниковой базы исследования Постникова заложили главную, как мне представляется, проблему в его исследование — разнородность критериев сбора и обработки собранной информации. Если в отношении социалистических партий исследователь мог придерживаться достаточно строгих критериев идентификации партийной организации (признание организации руководством партии, продолжительность функционирования, наличие членов и какой-то деятельности, обсуждение документов партии), то в отношении организаций октябристов и черносотенцев приходилось обходиться любым упоминанием о существовании местного отдела соответствующего союза.

Во второй главе речь идёт о территориальном размещении и количестве социалистических, либеральных и правомонархических партийных организаций в России. Анализ количественных данных о партиях, собранных в 20 таблицах, подтвердил устоявшийся в историографии тезис о сокрушительном развале в межреволюционный период партийных организаций всех политических направлений

без исключения. Постников констатирует также успешность репрессий против социалистических партий, которые в результате попали под тщательный контроль полицейских органов. Не являются новыми и на этот раз статистически обоснованные утверждения автора о более быстром распаде эсеровских организаций по сравнению с социал-демократическими, о преимущественно городском характере партийных формирований в межреволюционный период, об известном географическом «разделении труда» между эсдеками, доминировавшими в промышленных регионах, и эсерами, более укоренёнными в сельскохозяйственных областях. Более интересными представляются следующие наблюдения исследователя. Во-первых, о наибольшей активности социалистов на Украине и в Бессарабии, во-вторых, о том, что несмотря на разгром социалистических организаций, полностью обезвредить ядро профессиональных революционеров Департаменту полиции не удалось.

В отношении либеральных партий автор констатирует наряду с распадом организационных структур, переходом их сторонников на работу в легальные общественные организации и размещением в городах преимущественное присутствие кадетов в Центральном промышленном районе, на Украине и в Бессарабии, октябристов – в Центральном промышленном районе и в Поволжье. Применительно же к правым партиям он признает, что «численность организационных структур, зафиксированных нами... по существу, не отражала реальное положение дел правомонархической периферии» (с. 145), поскольку речь должна вестись о «качественной» деградации черносотенных организаций при их относительном количественном расцвете. Статистика, собранная автором, убедительно свидетельствует, что регионом преимущественного распространения правых союзов были десять губерний Украины и Бессарабии, где действовало  $\frac{3}{4}$  всех праворадикальных организаций. Автор объясняет это особой остротой в этом регионе национального, рабочего и аграрного вопросов.

В третьей главе вновь обсуждаются вопросы организационных структур и численности партий, но на этот раз в

центре внимания автора – количество не организаций, а их членов. Представляется не очень логичным, что Постников приступил к детализированному анализу архитектуры партийных институций лишь в последней главе, поскольку это привело к повтору основных тезисов, сформулированных в предыдущем разделе на количественных материалах. На сей раз распад партий в межреволюционный период при сохранении актива леворадикальных партий, успех Департамента полиции в обуздании и контроле революционной и оппозиционной деятельности, сосредоточение партий в европейской части Российской империи, особенно в Центральном промышленном районе и в украинских и бессарабских губерниях, обосновываются с помощью богатого иллюстративно-фактографического материала, а главное – с привлечением данных о численности членов партийных формирований, сконцентрированных в 11 таблицах. Именно в этой главе, на мой взгляд, методика исследования наталкивается на свои границы.

Автор предлагает пересмотреть принятую ранее методологию подсчёта количества членов партии, которую он в заключении аттестовал как «механистическую» (с. 270). Исследователь считает нецелесообразным для межреволюционного периода включать в число членов партий пассивных попутчиков, которые, по его мнению, по разным причинам покинули партийные ряды в 1907–1916 гг. Судя по контексту, Постников подверг критическому пересмотру метод распространения средних данных об известной численности партийных организаций на те партийные отделы, численность которых в источниках не отложилась. Этот метод экстраполяции, впервые предложенный в отношении кадетской партии в революции 1905–1907 гг. В.В. Шелохавым три десятилетия назад, был затем активно использован в отношении других партий и за другие периоды, в том числе мною<sup>6</sup>. Н.Д. Постников предлагает производить учёт только тех данных, которые отложились в Департаменте полиции. Плюс такого подхода очевиден: благодаря усердному контролю политического сыска за партиями мы располагаем сведениями о

количестве членов за каждый год, причём за различные месяцы. Однако есть в этом подходе и минусы, делающие его в известной степени ещё более «механистическим», чем метод экстраполяции. Во-первых, как уже было указано, мы располагаем подробными полицейскими данными о количестве данных только по социалистическим партиям, в меньшей степени – по кадетам, и они вовсе отсутствуют по октябристам и черносотенцам. Во-вторых, сам автор признаёт, что «установить точное число членов местных организаций РСДРП и ПСР не представляется возможным» (с. 187) из-за отсутствия информации о слабо организованных и краткосрочно действовавших местных организациях. В-третьих, к такому же выводу он приходит и в отношении других партий, признав в заключении, что «отсутствие правительственных репрессий не позволило... чётко и однозначно зафиксировать таких же членов (имеются в виду активисты-идеологи, якобы составлявшее ядро левых партий в межреволюционный период. – *И.Н.*) у октябристов и правомонархистов» (с. 269). В отношении этих партий исследователю приходилось пользоваться данными другого происхождения – прежде всего сведениями, приходившими в центральные органы партий в письмах и отчётах с мест и зачастую завышенными и уж во всяком случае не отделявшими активистов от сочувствующих. В-четвёртых, трудно разделить его убеждённость, что использование данных Департамента полиции «позволило нам установить фактически “чистую” численность партийных идеологов, агитаторов и членов партийного актива, без “примеси” членов-попутчиков/сочувствующих» (с. 269). Н.Д. Постникову, скрупулёзно работавшему в фонде Департамента полиции, прекрасно известно: политический сыск в межреволюционный период так плотно взял в оборот революционные организации, что в них порой более половины членов были секретными сотрудниками охранки<sup>7</sup>. Так что вопрос о надёжности полицейских цифровых данных остаётся открытым.

О возможностях и границах количественного исследования многопартийности в поздней Российской империи вновь

заставляет задуматься в заключение, в котором подводятся итоги исследования. Самым ценным из авторских выводов является, на мой взгляд, определение активности политических партий в различных областях страны. Вычислив удельный вес партийных организаций, действовавших в отдельных регионах, Постников убедительно показал, что наиболее «активными» регионами были Украина и Бессарабия, за которыми до 1917 г. с большим, но постепенно сокращавшимся отставанием следовали Центральный промышленный район и Поволжье. Вместе с тем, закрыв прочитанную книгу, читатель остаётся в недоумении по поводу авторского ответа на вопрос о том, что же произошло с партиями в поздней Российской империи накануне её гибели: многопартийность к 1917 г. сформировалась или разрушилась? Постников неоднократно утверждает, что процесс формирования политических партий в межреволюционный период продолжался, а ядро активистов революционных партий сохранилось, несмотря на многочисленные репрессии. Мне это утверждение автора представляется слишком смелым и опирающимся по большей части на «ретроспективную мудрость» – на знание о том, что случилось позже, в 1917 г. Ведь сам он убедительно пишет о развале в межреволюционный период всех политических партий и о полном контроле политической полиции за каждым шагом активистов. Так что на этот счёт читателю придется делать выводы самостоятельно. В итоге тезис Постникова о вполне сложившейся в поздней Российской империи многопартийности не поколебал меня во мнении 20-летней давности, что «поступательный и, казалось бы, необратимый процесс увядания партийных организаций всех направлений и их перехода в небытие к 1917 г. почти завершился», а «мощный всплеск многопартийности в 1917 г... оказался не более чем эпизодом в её истории»<sup>8</sup>.

Когда в начале рецензии я заявил о трудностях работы читателя с книгой, я имел в виду, помимо прочего, и авторскую стилистику. Обилие таблиц (33 в тексте, четыре в примечаниях), казалось бы, должно было освободить авторский текст от перегрузки цифрами. К сожалению,

этого не произошло. Обилие цифр делает монографию неудобочитаемой, равно как и тяжеловесный стиль и не всегда уместная терминология. Особенно это касается заключения, которое местами выглядит как поспешно составленный конспект для личного авторского пользования. В конце концов, исторический труд по российской истории вряд ли должен заканчиваться выражением «таргетированный тренд».

Лично для меня главный (но не новый) урок книги Н.Д. Постникова состоит в том, что количественные методы сами по себе не являются гарантией успешного исторического исследования. Трудно разделить убеждение автора, что ему «удалось по-новому взглянуть на “партийные организации” как на формирования не всегда и не вполне партийные по своему содержанию» (с. 269). К этому выводу можно было прийти – и он был известен в середине 1990-х гг. – без фронтального «прочёсывания» полицейских и партийных фондов и с помощью применения метода экстраполяции, положительно рекомендовавшего себя в прежних исследованиях.

Вместе с тем работа Постникова корректирует представления о размещении и численности политических партий в дореволюционной России, предоставляя систематические данные по всей империи в межреволюционный период. Жаль, что этот труд не увидел свет в книжном виде 15 годами раньше. Это было бы замечательное подспорье для каждого исследователя российской многопартийности. Публикуя в 2013 г. текст, в основном созданный во второй половине 1990-х гг., автор мог и не перерабатывать его кардинально. Но в таком случае нужно было предпослать монографии предисловие, в котором

следовало бы рассказать историю текста и сделать обзор актуального состояния изучения рассматриваемой проблематики. Иначе молодой исследователь, взяв в руки книгу Н.Д. Постникова, будет думать, что имеет дело с последним словом науки по истории российской многопартийности. И, к сожалению, ошибётся.

## Примечания

<sup>1</sup> Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; *он же*. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987.

<sup>2</sup> Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ: Сборник статей. М., 1987.

<sup>3</sup> Политические партии России: 1907–1917. Количественный анализ / Сост. Н.Д. Постников. М., 2001.

<sup>4</sup> Постников Н.Д. Территориальное размещение и численность политических партий России в 1907–1917 гг.: По материалам Департамента полиции. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

<sup>5</sup> См., например: Постников Н.Д. 1-я армия Ренненкампа. Битва за Восточную Пруссию. Изд. 2. М., 2013.

<sup>6</sup> См.: Нарский И.В. Кадеты на Урале (1905–1907). Свердловск, 1991; *он же*. Революционеры справа: Черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994; *он же*. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Ч. 1–2. Челябинск, 1995; *он же*. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

<sup>7</sup> См., например: Нарский И.В. Русская провинциальная партийность... Ч. 2. С. 187–202.

<sup>8</sup> Там же. С. 292, 308, 309.